

Лаврентьев Максим Владимирович

канд. юрид. наук, преподаватель

ЧПОУ «Московский городской открытый колледж»

г. Москва

**ОБУЧЕНИЕ И ВОСПИТАНИЕ КАК МЕРЫ ИСПРАВЛЕНИЯ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПРАВОНАРУШИТЕЛЕЙ
В САРАТОВСКОМ ГАЛКИНСКОМ УЧЕБНО-ИСПРАВИТЕЛЬНОМ
ПРИЮТЕ ДЛЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПРАВОНАРУШИТЕЛЕЙ
(ПО ОТЧЕТУ 1876–1877 ГГ.)**

Аннотация: статья посвящена мерам исправления в виде обучения и воспитания несовершеннолетних правонарушителей в Саратовском Галкинском учебно-исправительном приюте для несовершеннолетних правонарушителей по одному из отчетов 70-х годов XIX века. Сообщаются данные о формах обучения несовершеннолетних правонарушителей в приюте, религиозно-нравственном воспитании, деятельности администрации по исправлению несовершеннолетних правонарушителей.

Ключевые слова: Российская империя, XIX век, Саратов, Саратовский Галкинский учебно-исправительный приют для несовершеннолетних правонарушителей, воспитательно-исправительные заведения для несовершеннолетних правонарушителей, исправление, обучение, воспитание.

20 сентября 1873 г. в Саратове был открыт учебно-исправительный приют для детей обоего пола, на средства, частью пожертвованные, частью собранные тогдашним саратовским губернатором, «а ныне членом Государственного совета, М.Н. Галкиным-Враским. С 12 ноября 1891 г., приют стал называться «Галкинским» в честь своего основателя» [1, с. 312; 2, с. 225].

М.Н. Галкин-Враской – основатель и в течение ряда лет, с 1879 по 1896 гг., руководитель Главного Тюремного управления Российской империи. До назначения на эту должность, с 1871 по 1878 гг. Галкин-Враской был саратовским губернатором.

Как и в прежние годы, «главнейшими средствами к достижению своей цели приют считал: умственное и нравственное развитие своих питомцев посредством учебных классных занятий, приучение их к труду и порядку и, наконец, практическое обучение какому-либо делу, которое могло бы впоследствии обеспечить или же хотя бы несколько облегчить им материальное их существование» [3, с. 20–21].

В течение дня обучение воспитанников и воспитанниц начиналось сразу же после утренней молитвы – «после которой начинался класс и продолжался до 9 часов утра» [4, с. 21]. Также в воскресенье из Саратова приезжал священник и после общей молитвы «объяснял Евангелие, которое читалось в этот день и потом давал урок закона божия; после урока занимались духовным пением, под руководством священника» [4, с. 21].

По отношению грамотности в 1875–1876 гг. поступило: «грамотных – 8, полуграмотных (умеющих читать, но не умеющих писать) – 2, безграмотных – 16. Итого – 26 человек» [4, с. 21].

Эти цифры показывали, что безграмотных опять было большинство: «в настоящем году они составляли 60% общего числа поступивших; если же присоединить к ним полуграмотных, то процент их возрастет еще больше; наконец, нужно принять во внимание то обстоятельство, что и у тех воспитанников, которые показаны поступившими в приют грамотными, эта грамотность ограничивалась кое-каким умением читать и писать; что же касается знаний, хотя бы даже и самых элементарных, то их постоянно не оказывалось, эти грамотные дети даже плохо умели считать, несмотря на то, что между ними были дети, обучавшиеся в правильно устроенных начальных народных школах, как например, в саратовских городских училищах. Но при этом нужно заметить, что по имеющимся частным сведениям эти дети во время пребывания их в городских училищах, были всегда на дурном счету как со стороны нравственной, так и со стороны учебной» [4, с. 21].

По отношению к образованию религиозно-нравственному «решительно все дети не удовлетворяли даже самым скромным требованиям; не только никто не владел знанием основных начал своей религии, не только никто ничего не знал

по священной истории, – даже знание общеупотребительных молитв встречалось далеко не у всех; те, которые знали некоторые молитвы, знали их чисто механически, без понимания их содержания и смысла; были дети, которые не знали решительно ни одной молитвы» [4, с. 21].

Для нравственно-религиозного развития детей, для образования в них религиозного чувства, «употреблялась прежде всего молитва, с которой начинался и оканчивался каждый день, которой сопровождалась: учебные занятия, завтрак, обед и ужин; в этих молитвах участвовали все, их пели общим хором. Затем священником велись с воспитанниками и воспитанницами беседы, предметом которых было Евангелие, причем священник постоянно имел в виду ту жизнь, которую вели воспитанники до поступления в приют, и указывал на их преступления и проступки со стороны нравственно религиозной; эти беседы были общи для всех, так как евангельские истины могут быть доступны пониманию каждого. Наконец, детей обучали молитвам и священной истории, сообразно развитию и знаниям каждого воспитанника и каждой воспитанницы, в частности» [4, с. 23].

Что же касается умственного развития, то, как и в прежние годы, в грамотных прежде всего «старались восстановить утраченные знания, укрепить и развития знания, которыми они владели, и, наконец, сообщались им и новые знания, и понятия. Таким образом, предметами преподавания были: закон божий (кроме уроков по воскресным дням, по этому предмету делались два раза в неделю репетиции), русская грамота, счет, начала геометрии; кроме того, в беседах знакомили воспитанников с предметами и явлениями окружающей природы и жизни, а также велись рассказы о русской земле и ее обитателях, их нравах, образе жизни, промыслах и занятиях» [4, с. 23].

Эти классные занятия были введены смотрителем приюта, «с помощью в мужском отделении – воспитателя, в женском отделении – воспитательницы. Как воспитанники, так и воспитанницы во время учебных занятий разделялись на группы, сообразно их знаниям и умственному развитию. Но, вследствие разновременности поступления, краткости сроков, различной степени испорченности, различия способностей, эти группы никогда не могли быть постоянны; из

каждой группы то и дело выходили ученики, вследствие окончания судебного срока; то и дело поступали новые; наконец, нередко были случаи перехода воспитанников из одной группы в другую; некоторые оказывались или очень тупыми, или очень ленивыми, так что могли задерживать всю группу; с такими часто приходилось заниматься отдельно, пока не образовывалось вновь из других воспитанников группы, равной с ними по познаниями» [4, с. 24].

Были случаи и обратные: «в некоторых группах оказывались дети или подаровитее, или поусерднее других: эти занимались обучением грамоте не только во время класса, но во всякое свободное от обязательных занятий время уже самостоятельно, пользуясь от времени до времени указаниями и помощью воспитателя; таким образом они опережали своих товарищей и были переводимы в высшую группу, иногда даже не один раз» [4, с. 24].

Были, наконец, воспитанники, «которые постоянно переходили из одной группы в другую, смотря по предметам занятий; так, например, самые маленькие, присланные в приют по распоряжению саратовского губернского попечительного о тюрьмах комитета и один из приговоренных мировым судьей, чтением и письмом занимались с одной группой, счетом – с другой, низшей, что обуславливалось их возрастом; напротив, большинство старшего возраста, поступивших в приют безграмотными, вести изустное счисление могли более удовлетворительно, чем в группе начинающих – тогда во время уроков счета их присоединяли к одной из высших групп» [4, с. 24].

Во время уроков по родиноведению и бесед о предметах и явлениях окружающей жизни воспитанники мужского отделения соединялись вместе; «точно также у воспитанниц женского отделения этого рода занятия были совместны. Так как наличный состав воспитанников и воспитанниц постоянно изменялся, и при том постоянно к худшему как в нравственном, так и учебном отношениях (лучшие, грамотные постоянно выходили, а на их место поступали безграмотные и плохие в смысле нравственном), то успехи, достигнутые воспитанниками в деле первоначального умственного образования, не могли быть значительны» [4, с. 24–25].

Вследствие краткости «сроков пребывания воспитанников и воспитанниц в приюте, большинство из них едва успевали выучиться читать и писать, выучить главнейшие молитвы, научиться правильно считать изустно в пределах первой полусотни, а иногда и первых двух десятков чисел; выучивались несколько считать на счетах; получили понятия о некоторых предметах и явлениях окружающей жизни, о главнейших и интереснейших отечественных животных и растениях, получили некоторые сведения о своем отечестве» [4, с. 25].

К концу отчетного года «все, поступившие в приют безграмотными и составлявшие низшую группу, овладели уже механизмом чтения, могли сознательно прочитывать каждое слово и писать под диктовку; знали главнейшие молитвы, решали изустные задачи более или менее удовлетворительно в пределах первых двух десяткой чисел; в двух средних группах читали без затруднений, писали под диктовку без звуковых ошибок, окончили изучение молитв и начали священную историю Ветхого завета; удовлетворительно считали на счетах и к изустному счислению присоединено было счисление письменное; изучили сложение и начали изучать вычитание» [4, с. 25].

Поступившие в приют грамотными «составляли старшее отделение; по закону божию здесь занимались преимущественно священной историей; к концу отчетного года оканчивали историю ветхого завета; читать и писать тут уже все умели; поэтому в чтении имелось в виду с одной стороны беглость и выразительность, а потом – передача изустно и на письме прочитанных статей более или менее серьезного содержания, относящихся к отечественной географии, истории, этнографии, промышленности и т. п.; по отношению к письму имелась в виду орфография; с этой целью изучалось «Родное слово» Ушинского, год 3-й; воспитанники этой группы научились писать довольно грамотно, без грубых орфографических ошибок» [4, с. 25].

Изустное счисление «в этой группе практиковалось лишь изредка, преимущественно же занимались письменным счислением – и к концу отчетного года изучали деление простых чисел. На счетах считали совершенно свободно. Имели

понятие о протяжении, измерениях, главнейших геометрических телах, различие между линейными и плоскостными углами» [4, с. 25].

В женском отделении «к концу отчетного года старшие воспитанницы оканчивали ветхозаветную священную историю, окончили чтение первых двух книжек «Родного слова» Ушинского и начали изучать русскую грамматику по третьему году «Родного слова» Ушинского; под диктовку писали без грубых орфографических ошибок, решали изустные задачи в пределах чисел от 1 до 70; одна из безграмотных, остававшаяся в это время в приюте, изучила главнейшие молитвы, оканчивала чтение 2-й книжки для чтения Бунакова, решила изустные задачи в пределах первых трех десятков чисел» [4, с. 26].

В настоящем отчетном году, «из поступивших безграмотными, не успели выучиться грамоте окончательно только трое, из числа самых краткосрочных, и при этом один из них отличался крайне ограниченными умственными способностями, и его обучение шло чрезвычайно медленно; но тем не менее в них удалось положить начало грамотности, поселить желание выучиться и уверенность, что этого не так трудно достигнуть, так что, если бы по их выходе из приюта, окружающая среда была хотя бы несколько благоприятна, можно было бы надеяться, что они будут продолжать начатое – и достигнуть грамотности; по крайней мере, уходя, они искренно сожалели о том, что не удалось им сделаться грамотными, и обещали учиться потом» [4, с. 26].

Но, сравнивая результаты «умственного образования воспитанников и воспитанниц за настоящий год с предыдущими годами, получается разница в пользу нынешнего года; она выражается тем, что необучившихся грамоте вышло в этом году менее, а обучившихся более; старшие и средние отделения, как в мужском отделении, так и в женском, владели большим, чем в предыдущие годы, запасом знаний; наконец все учащиеся в этом году обнаружили, сравнительно, больше прилежания» [4, с. 26].

Постоянно можно было видеть детей, по словам отчета, «занимающихся учебным делом в свободное от обязательных занятий время. Но самым важным приобретением этого года, бесспорно, нужно считать развитие охоты к чтению;

все чаще и чаще начали дети спрашивать книги для чтения. Эта охота в значительной степени развивалась и поддерживалась общими чтениями, который устраивались в свободное время по вечерам, под руководством воспитателя» [4, с. 26].

К несчастью, библиотека приюта пока так бедна, что «не может удовлетворить самым скромным требованиям – и часто бывает нечего предложить детям читать. В будущем году на это придется обратить серьезное внимание» [4, с. 26–27].

Таким образом, можно сделать некоторые выводы. Во-первых, краткосрочность большинства судебных приговоров по делам несовершеннолетних правонарушителей не позволяла поднять уровень грамотности и правильно воспитать «питомцев». Во-вторых, первоначальный уровень развития несовершеннолетних правонарушителей был чрезвычайно низок, что не способствовало быстрому развитию их в условиях воспитательно-исправительных заведений.

Список литературы

1. Ворошилова С.В. Исправительные приюты для несовершеннолетних преступниц в России (1873–1917 гг.) / С.В. Ворошилова // Вестник Волгоградского государственного университета. – 2016. – №3.
2. Диомидов И.М. Саратовский галкинский учебно-исправительный приют / И.М. Диомидов // Журнал министерства юстиции. – 1916. – №3.
3. Отчет по саратовскому учебно-исправительному приюту за 1875–76 год. Год 3-й. – Саратов: Типография саратовского губернского правления, 1877.
4. Отчет по саратовскому учебно-исправительному приюту за 1876–77 год. (С 30 сентября 1876 года по 30 сентября 1877 года). Год 4-й. – Саратов: Типография саратовского губернского правления, 1878.